

**И. А. ГОНЧАРОВ И ХУДОЖНИКИ ЕГО ВРЕМЕНИ
(В. В. ВЕРЕЩАГИН И К. Е. МАКОВСКИЙ)**

В. И. Мельник

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-34-000219 а1
«И. А. Гончаров и его окружение. Словарь-справочник»

Весной 1882 г. И. И. Ясинский спросил у И. А. Гончарова, не занимался ли он живописью. Ответ был таков: «Да, в молодости занимался, искал себя»¹. Воспоминания Г. Н. Потанина несколько проясняют ответ писателя. Г. Н. Потанин, хотя и отличается как мемуарист, неточностями, но в данном случае, вероятно, недалёк от истины, когда пишет со ссылкой на брата писателя, Николая Александровича: «По рассказам брата, Иван Александрович Гончаров был принят в доме Майкова... там он занимался живописью...»². Кажется, на этот раз Потанин не ошибается, ибо во «Фрегате “Паллада”» есть признание о занятиях рисованием: «Ещё к нам пришёл из дома мальчик, лет двенадцати, и оба они сели перед нами на пятках и рассматривали пристально нас, платья наши, вещи. Лосев вынул записную книжку, а я нарисовал в ней фигуру мальчика, вырвал рисунок из книжки и отдал ему. Что это за рисунок! Моему рисовальному учителю, конечно, и в голову не приходило, чтоб я показывал своё искусство на Ликейских островах. Мальчик был в восторге». И. А. Гончаров не только прекрасно разбирался в живописи (он высказывался о таких художниках, как Мурильо, Корреджио, Веласкес, Рафаэль, Грёз, Тициан, Рембрандт и др., он написал статью о картине И. Н. Крамского «Христос в пустыне» и пр.), но и сам как писатель отличался истинно художественной кистью, что заставило критика А. В. Дружинина сравнить его романы с живописью фламандцев. Гончаров сделал героями своего последнего романа художников Райского и Кирилова. Более того, писатель сблизился с владельцем картинной галереи П. М. Третьяковым, с художником И. Н. Крамским, которому позировал.

До 1870-х гг. писатель в своих текстах (романы, «Фрегат “Паллада”», статьи, письма) упоминает в основном живопись европейскую, и преимущественно эпохи Возрождения. М. Бёмиг в статье «И. А. Гончаров о живописи» приводит своеобразную статистику: «Гончаров более или менее подробно уделяет внимание следующим художникам: живописцам итальянского Высокого Позднего Возрождения, барокко и маньеризма (таким, как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Корреджо, Тициан, Веронезе, Гвидо Рени); мастерам фламандского и голландского барокко (таким, как Рубенс и Рембрандт), а также французского классицизма (Клод Лорен). Среди современных художников Гончаров упоминает представителя швейцарской романтической пейзажной живописи Александра Калама и более подробно обсуждает произведения русских реалистов, таких, как Александр Иванов, Николай Ге и Иван Крамской. На первом месте как по частоте упоминаний, так и по продолжительности и глубине посвящённых ему отрывков стоит Рафаэль. Затем следуют Ге и Крамской, а также Тициан и Рубенс. Очень интересен для выяснения эстетических

взглядов Гончарова перечень произведений этих мастеров. В статьях писателя говорится о “Тайной вечере” Леонардо, “Сикстинской мадонне” и “Мадонне с цветами” (La Belle Iardiniere) Рафаэля, о “Динарии кесаря” и образе Христа Гвидо Рени, а также “Снятии с креста” Рубенса. Кроме росписи Леонардо и наделтарной картины Рубенса, все остальные произведения хранятся в Дрезденской картинной галерее или в Лувре. Что касается картин современных ему художников, Гончаров останавливается на “Явлении Христа народу” Иванова, “Тайной вечере” Ге и “Христос в пустыне” Крамского. Из этого подбора очевидно, что Гончаров ценит исключительно живопись в западном стиле, прежде всего произведения художников итальянского Возрождения³. Здесь многое отмечено верно. Однако итальянской исследовательницей не учтена эволюция высказываний Гончарова, который после возникновения движения художников-передвижников впервые обратил серьёзное внимание на русскую живопись и в какой-то мере с гордостью посчитал русское искусство «состоявшимся» и сказавшим своё новое слово. Известно, что писатель всегда переживал за отечественную науку, за русское искусство, за состояние русского языка. Особенно ярко это отразилось в письме к С. А. Толстой от 11 ноября 1870 г., где он с горечью отмечает господство в свете французского и английского языков вместо русского: «... это значит, что у нас не заговорила ещё своя, русская наука, своё искусство, своя деятельность!»⁴ Это письмо появилось как раз в то время, когда начало разворачиваться движение русских художников. Выставки передвижников подвигли романиста на серьёзные размышления по поводу новейших судеб русского искусства. С некоторыми из передвижников он сошёлся лично. Прежде всего здесь нужно говорить об Иване Николаевиче Крамском, Василии Васильевиче Верещагине, Константине Егоровиче Маковском. Нельзя сказать, что Гончаров стремился к этим знакомствам. Так, И. Н. Крамскому ему пришлось просто позировать по просьбе П. М. Третьякова, желавшего получить портрет Гончарова для своей галереи. Обстоятельств, при которых начали складываться отношения с В. В. Верещагиным и К. Е. Маковским, мы не знаем. Ясно только одно: романист ценил в их лице нарождающееся самостоятельное и оригинальное русское искусство, заявившее о себе в полный голос. Это были художники, отступившие от академических шаблонов. О них спорили, их нередко порицали. Гончаров сочувственно воспринимает живопись И. Н. Крамского, Н. Ге, В. В. Верещагина.

К сожалению, о личных отношениях, сложившихся у Гончарова с этой группой русских художников, не написано буквально ничего: слишком мало фактов оказывается в руках исследователей, да и творчество этих художников кажется никак не связанным с творчеством Гончарова. Между тем отношения Гончарова с передвижниками — тема не периферийная, если иметь в виду патриотичность, «русскость» писателя, и не только это. Думается, что фигура художника Кирилова появилась в романе «Обрыв» уже как обозначение пробуждения русского искусства, появления самоотверженных его служителей.

Если личностные отношения с И. Н. Крамским легко воспроизводятся по переписке Гончарова и И. Н. Крамского с П. М. Третьяковым, то отношения с В. В. Верещагиным и К. Е. Маковским практически не известны.

В. В. Верещагин (1842–1904) родился в семье помещика. В 1858 г. он начал посещать рисовальную школу петербургского Общества поощрения художеств. В 1860 г. будущий художник, хотя и окончил с блеском Петербургский морской кадетский корпус, подал в отставку и поступил в Императорскую академию художеств. Однако нормативность академической системы обучения сильно тяготила его, и в 1863 г. он, как и К. Е. Маковский, оставил Академию. У В. В. Верещагина сложился свой путь в искусстве, который был связан с русской армией. В 1868 г. в составе русского гарнизона он оборонял Самаркандскую крепость от войск бухарского эмира и был награждён за храбрость и мужество Георгиевским крестом. В 1869–1870-х гг., будучи снова в Туркестане, он создаёт большую серию картин о Средней Азии. Центральное место занимают батальные полотна, имевшие большой успех в публике. В. В. Верещагин показывает в своих картинах страшное лицо войны, смерть, страдания. Наиболее известна его картина «Апофеоз войны» (1871–1872). В 1877 г. художник отправился на Дунай, где состоял при «белом генерале» М. Д. Скобелеве и получил ранение. Ему довелось присутствовать при Плевненской битве. В 1884 г. он отправился в Палестину и Сирию, где писал картины на сюжеты из Нового Завета. В. В. Верещагин был не только художником, но и писателем, автором путешествий и воспоминаний. Художник погиб во время Русско-японской войны вместе с легендарным адмиралом С. О. Макаровым на рейде при Порт-Артуре в результате взрыва вражеской мины, на которую напоролся броненосец «Петропавловск». «Я не знаю, — писал И. Н. Крамской о нём, — есть ли в настоящее время художник ему равный не только у нас, но и за границей...».

Впервые Гончаров побывал на верещагинской выставке весной 1874 г. Именно в это время И. Н. Крамской пишет портрет писателя по заказу П. М. Третьякова, который намеревается приобрести картины В. В. Верещагина. Гончаров не остался равнодушен к выставкам передвижников, очевидно почувствовав в них крупное явление русской жизни. Помимо прочего, он пишет статью в газету А. А. Краевского «Голос» о намерении московского мецената приобрести картины В. В. Верещагина. На выставке были представлены многие ставшие известными пацифистские картины В. В. Верещагина. Пацифизм верещагинского искусства вызвал в обществе неоднозначную реакцию. Художника обвиняли в непатриотизме, что особенно актуально было на историческом фоне военных действий правительства в Средней Азии, а также противостояния с Турцией на Балканах, завершившегося Русско-турецкой войной в 1877 г. Император Александр II и его приближённые высказались в том духе, что «художник позорит честь русской армии». Знакомый Гончарова А. В. Никитенко записал в своём дневнике: «3 апреля 1874 г., среда. Бесконечные толпы о картинах В. В. Верещагина, выставленных в доме Министерства внутренних дел, куда уже недели три стекаются несметные толпы народа. Я покусился было тоже на днях посмотреть эти, как уверяют некоторые, чудеса искусства, но, встретив несокрушимую стену спин человеческих, возвратился вспять. Картины эти, говорят, изображают разные эпизоды Хивинского похода; тут все ужасы, представляющие в целом неблистательные и для нашего самолюбия нелестные события войны. Говорят, государь был особенно недоволен двумя или тремя картинами,

которые и сняты, и утверждают, что раздражённый художник их сжёг. По этому поводу рассказываются странные и нелепые вещи». 9 мая 1874 г. в газете «Голос», была напечатана статья Гончарова, содержащая некоторые сведения о картинах В. В. Верещагина. «Мне сообщил их [сведения] сам Третьяков, недавно приезжавший сюда, и потом подтвердил Крамской, участвовавший в переговорах Третьякова с Верещагиным, следовательно, это можно считать верным». Самый факт появления статьи показывает, что писатель относился к творчеству Верещагина глубоко сочувственно. Это подтверждает и переписка с художником, до сих пор не упоминавшаяся исследователями Гончарова, о чём будет сказано ниже.

Был романист и на второй верещагинской выставке, проходившей весной 1880 г. в Петербурге. Реакция общества на картины В. В. Верещагина по мотивам Русско-турецкой войны 1877 г. была ещё более критичной. Защищаясь, живописец публикует в газете А. А. Краевского «Голос» (где часто публиковался и Гончаров) два письма в редакцию под характерными заголовками: «По поводу обвинения в тенденциозности» и «Ответы на укоры в недостатке патриотизма». Видимо, после посещения второй выставки Гончаров дарит художнику оттиск своего очерка «Литературный вечер» с характерной надписью: «В знак живейшей симпатии и глубокого удивления к его произведениям». Его письмо к В. В. Верещагину, пока нам неизвестное, очевидно, ободряло художника, призывая его «не унывать». Известно ответное письмо живописца к Гончарову от 10 мая [1880]. Оно показывает, что у Гончарова могли быть даже «снимки с картин» В. В. Верещагина: «Многоуважаемый Иван Александрович! Верьте, что мне только приятно видеть снимки с картин моих у такого художника, как Вы. Позвольте поблагодарить Вас за Ваше милое и любезное письмо. Я не унываю, не бойтесь, и продолжаю делать то, что видел, не более и не менее. Если кончу к осени довольно большую картину, из последней же войны, то покажу Вам её в Питере за обещание Вашей книги. Искренно Вас уважающий В. Верещагин»⁵.

Несмотря на то что, в отличие от В. В. Верещагина, К. Е. Маковский был признан «баловнем судьбы», он тоже прошёл путь разрыва с Императорской академией художеств и поиска своего собственного пути в искусстве. К. Е. Маковскому, правда, повезло больше, так как он, помимо прочего, оказался мастером роскошного салонного портрета, что сделало его дорогу в искусстве менее трудной. Критик А. Бенуа писал: «Если кто-то из художников и был популярен на Руси, так это именно К. Маковский. На него если не молились, то называли богом, а главное — все его любили!» Художник писал портреты, исторические картины. Портреты русской знати писались им в салонной манере, «бравурной» и «цветистой», при этом он пользовался большой популярностью. Ещё во время обучения в Императорской академии художеств К. Е. Маковский сближается с императорским двором. В 1862 г. им был написан портрет Александра II для русского посольства в Лондоне. Император позировал ученику Академии художеств в Зимнем дворце — случай из ряда вон выходящий! Известно, что «государь остался очень доволен сходством». Впоследствии К. Е. Маковский много раз с натуры писал Александра II (даже на смертном одре), членов семьи императора и других представителей рода Романовых.

Знакомство Гончарова с художником также следует относить, вероятно, к периоду первых выставок передвижников в Петербурге, а именно к 1873 г. Возможно, романист сошёлся с К. Е. Маковским через семью Майковых. На это мог бы указывать тот факт, что на их встречах присутствовал иногда знакомый Майковых — Александр Алексеевич Киреев⁶. Судя по «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова», писатель активно встречается с К. Е. Маковским летом 1873 г., в основном на прогулках в Летнем саду. Так, в письме к Н. Ф. Крузе от 8 июля 1873 г. Гончаров упоминает о художнике: «Я вчера встретил в Летнем саду Маковского, и мы отправились с ним опять в Зоологич <еский> сад, где я и обедал, или просто ел (около 9 часов)... Там же мы видели А. Ф. Кони, были вместе в театре...». 13 июля 1873 г. М. М. Стасюлевич сообщает жене о посещении островов: «Сегодня они втроем тащили меня — Гончаров, Маковский и Островский, — но я не пошёл...»⁷. А 4 декабря 1873 г. К. Е. Маковский посещает Гончарова, чтобы проститься с ним перед отъездом за границу⁸. Отношения их продолжались долго. Во всяком случае, в начале 1879 г. Гончаров обедает у художника, и на обеде высказывается о Ф. М. Достоевском: «Молодёжь льнёт к нему... Считает пророком... А он презирает её. В каждом студенте видит ненавистного ему социалиста»⁹. Известно, что Гончаров подарил живописцу свою фотографию¹⁰.

Ко времени встречи с романистом в 1873 г. К. Е. Маковский был уже знаменитым художником, хотя ему было к тому времени только 34 года. Накануне встречи с Гончаровым (в 1872 г.) им была написана известная картина «Дети, бегущие от грозы». Но ещё до этого он написал картину, несомненно, вызывавшую особый интерес Гончарова. Будучи учеником Императорской академии художеств, К. Е. Маковский получил от жителей Иркутска заказ написать портрет Н. Н. Муравьёва-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири (с 1847 по 1861 гг.). Портрет экспонировался на выставке Академии художеств и имел множество положительных отзывов. С Н. Н. Муравьёвым-Амурским Гончаров был знаком лично. Во время десятидневного плавания по Амуру Гончаров, добравшийся через Сибирь в Петербург в 1854 г., часто общался с Н. Н. Муравьёвым. Во всяком случае, в очерке «По Восточной Сибири» он рассказывает, что однажды вечером они с генерал-губернатором вдвоём ходили по палубе шхуны, разговаривая о «государственных преступниках», высланных в Сибирь, и, в частности, о М. В. Буташевиче-Петрашевском, находившемся в то время на каторге за политические убеждения. В Аян Гончаров и Муравьёв прибыли вместе, а оттуда отправились в разных партиях. Впрочем, вскоре они снова встретились, теперь уже в «столице» Восточной Сибири — Иркутске, где общались в течение двух недель почти ежедневно. Общение с таким человеком, как Н. Н. Муравьёв-Амурский, конечно, расширило взгляд Гончарова на Сибирь, на её место в прошлой и будущей истории России. Романист писал о нём: «Патриот, человек бодрый, энергичный, умный до тонкости и самый любезный из русских людей... Имя его довольно популярно у нас: все знают, как сильно и умело распоряжается он в Сибири, не секрет уже и то, что он возвратил России огромный и плодоносный лоскут Сибири по реку Амур включительно...»¹¹.

Вероятно, в разговорах Гончарова и К. Е. Маковского личность Н. Н. Муравьёва-Амурского была предметом обсуждения.

Конечно, общение с В. В. Верещагиным и К. Е. Маковским не исчерпывает тему «Гончаров и русские художники». Она, при внимательном изучении текстов писателя, значительно шире. Но общение именно с этими живописцами позволяет поставить главный вопрос: о надеждах Гончарова на самостоятельное развитие оригинального современного русского искусства, вносящего свой вклад в «копилку человечества».

¹ Ясинский И. И. Воспоминания // Исторический вестник. 1898, февраль. С. 570.

² Потанин Г. Н. Воспоминания о Гончарове // Гончаров в воспоминаниях современников. Л.: Худож. лит., 1969. С. 32.

³ Бёмиг М. И. А. Гончаров о живописи // И. А. Гончаров. Материалы Международной конференции. Ульяновск: Обл. тип. «Печатный двор», 1998. С. 230.

⁴ Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 437.

⁵ Мельник В. И. Верещагин и Гончаров. По поводу неопубликованного письма // Литературный Киргизстан. Фрунзе. 1987. № 7. С. 110–112.

⁶ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 204.

⁷ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1912–1913. Т. V. С. 125.

⁸ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 147.

⁹ Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1932. Т. I. С. 464.

¹⁰ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 225.

¹¹ Литературное наследство. М.: Наука, 1935. Т. 22–24. С. 422.